

Весенняя песенка шмеля,□ которой при неблагоприятном раскладе событий могло и не быть

Сибирский май — хоть шубу надевай! На праздник Пасхи всего за какой-то час ветер пригнал холод и непомерно тяжелые, набухшие тучи. Вдруг хлопьями повалил снег, и вновь ворвалась зима, а на такую неожиданную гостью никто не рассчитывал. Тепло возвращалось с большой натугой, долго.

В один из дней, когда уже отцветала ива, осыпая свои желтые барашки, я размеренно вышагивал низом каньона, наблюдая за беркутом, который периодически зависал надо мной. Я запрокидывал голову в поднебесье и невольно давил под ногами душистое «золотое руно», былую вербную красоту.

Вычерчивая круг за кругом, птица все держала под контролем, в том числе человека, даже если на минуту-другую его прикрывали высоченные ели, угрюмо нависшие над тропой. Они уже ощутили в себе живительный сок земли и зеленели по-особенному в лучах солнца, уверенно повернувшего на лето, хотя прогретые оазисы ветер то и дело чередовал с прохладной волной.

В хвойном подлеске лощин местами еще держался снег, он был зернистый и темноватый, как подмоченный сахарный песок, а на проталинах, у самого комля пахучих смолянистых стволов, отчетливо проступила яркая зелень. Как ни странно, это была не молодая трава, а всего лишь прошлогодняя осока. Подобно гигантской лесной русалке, она безмятежно возлежала на кручах, и всюду разметались ее длинные волосы, наспех причесанные, но зато надежно укрытые под толстым одеялом зимы, потому и сохранившие себя в первозданности.

В логу уже резвился проснувшийся грызун, добавляя к барабанным призывам дятла и верховому шуму корабельного леса свои, чисто низовые шорохи. Возня в подстилке того же бурундука при осязательном шумовом сопровождении становилась, по сути, безнаказанной, да и маскировка зверька выглядела почти идеальной. Пернатому хищнику нужно порядком снизиться, чтобы все-таки заметить полосатую живность, которая покинула норку и поскакала по неотложным делам — хвост трубой, только ее и видели.

Наконец-то хищник сообразил, что охота в долине лишена всякого смысла, по крайней мере сегодня, и резко изменил курс, оказавшись над лугом — лысым склоном хребта, где уже порядком припекало, буйно раскрылся первоцвет, и каждый его бутончик на пологом ковре из солнечной сон-травы, не говоря уже о каком-либо «броуновском» движении, был у хищника на виду.

Тень птицы скользнула по утесу, задержалась на броской ржавчине скал, поравнялась с ватным облачком, которое тоже оставляло на них минутный след. Мне даже показалось, что теперь, запечатлев по отвесу размашистую дугу своих крыльев, их хозяин получил возможность заглянуть в самые потаенные места и увидеть то, что с высоты ему никак бы не удалось.

А смотреть тут было на что. В конце марта, оказавшись у подошвы известкового отложения, которое хоть и разрушалось со временем, но все так же надменно торчало из-под земли над уснувшей в морозы речкой Лалетиной, я наблюдал, как на каменных этажах с проемами щербин и малых гротов текла по-настоящему бурная жизнь. Напрасно я искал глазами внешний источник: склон уже освободился от прежних заносов и был почти сухим, тогда как рыжая громада по-настоящему проливали слезы; они ручьем струились по краям ходов и выходов, таинственно уводящих куда-то в глубину. Но если даже и слезы, то здесь решительно не обошлось без притворства, и в таком случае они не просто внешние, а крокодиловы.

Место уж больно обманчивое, оттого-то в народе его зовут не иначе, как «Чертов палец». Но это же каменный перст Князя мира сего, первородного отца всякой лжи! И неспроста очень многие туристы, впервые попадая в каньон, сам утес принимают за начальные Столбы, хотя это далеко не так.

Должно быть, во времена первопроходцев Сибири, когда топонимическая судьба точки на карте решалась едва ли не по святцам, название рыжего утеса над мелким притоком великой реки определила его основополагающая примета: уж если торчит из земли столь характерная рогулька, то и сравнение с лукавым будет в самый раз. Ведь это падшего ангела изгнали из рая, именно он слетел с хлебной должности на суетную землю — так родилась первая в доисторическом периоде ссылка. Почему не сибирская?

По всем внешним и внутренним признакам выходит, что казак Лалетин, прикупивший здесь у местного воеводы казенную землицу за какую-то трешницу, попал в «яблочко», то самое, библейское. Сколько уж воды в Енисее утекло, а нет по сей день и малейших сомнений в точности имени, данного однажды утесу, да и цвет известняка одного с тем «пальчиком» порядка: в расхожем понимании, рыжий человек — чаще всего отъявленный мошенник и плут, тут и к гадалке не надо ходить.

Нигде, ни на одной из троп Куйсумских гор, славных причудливыми сиенитовыми останцами, которые расставили каменные маяки в неоглядном море тайги, со мной не случилось никаких каверз и козней. Только здесь все выглядело иначе: всякий раз беспричинно разряжалась «мыльница», здесь я странным образом «посеял» проездной билет, а на вершине этого рыжего над каньоном я повстречал довольно крупную ящерицу, которую за хвостатость принял за змею и был вынужден тут же удалиться.

К счастью, до знакомства с теми «нехорошими» обитателями скалистого небоскреба, кто частенько выползает погреть спинку на ласковом солнышке, поглазеть на поднебесные красоты (там-то у них темень кромешная), дело у меня не дошло. А ведь могло бы, чем лукавый не шутит! И смотрящий за порядком беркут из кровожадного семейства ястребиных, этот безжалостный воздушный пират, и гады ползучие, большие любители осклизлых и промозглых подземелий, — мало ли мелких клерков на службе у того, кто однажды распрощался с райскими кущами, но никогда не смирится с этой участью, взывая и нас к баррикадам?

И теперь уже не просто одним перстом, а вскинутым вверх кулачищем будет он из

далекой Сибири грозить воеводам всех рангов и мастей как настоящий ссыльнокаторжный, запечатленный ваятелем в скульптурной группе из рыжевато-гранита на одном из проспектов славного губернского города N.

Николай ЮРЛОВ

Фото автора

КСТАТИ

Скажу по секрету: эту весеннюю песенку мне напел под ухо один мохнатый шмель, в дружелюбии которого грех сомневаться. Глупо думать, что великий труженик только и ждет, как бы в очередной раз испытать на чужаках свое холодное оружие. Шмелю явно не до того: он работает, а шумливый моторчик выключает только в том случае, если встретится ему в полете серьезный медонос. Как те золотистые барашки, мимо которых он не имел даже права пройти.

Прислушайтесь: летающий толстячок, этакий жужжащий Карлсон, вовсе не страшен, а слишком говорлив.□